Z 103/.671

ВАЛААМСКІЙ

МОНАСТЫРЬ.

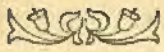
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1847.

2007081082

Z 103/671

ВАЛААМСКІЙ

МОНАСТЫРЬ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.
1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 29 мая 1847 года.

Цензоръ А. Никитенко.
Цензоръ И. Ивановскій.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛ-КА
5 3051-41

ВАЛААМСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Великолѣпна буря на Ладожскомъ Озерѣ, когда при ясномъ небѣ, при сіяніи солнца, порывистый вѣтеръ передвигаетъ влажные холмы по поверхности глубокаго, широкаго озера. Эта необъятная поверхность вся усѣяна холмами лазуреваго цвѣта съ бѣлоснѣжными, серебристыми гребнями. Смятенное бурею озеро кажется какъ-бы одушевленнымъ.

При такой бурѣ въ 1846 году, въ первыхъ числахъ сентября, ѣхалъ я изъ Коневскаго Монастыря въ Валаамскій на пароходѣ, носящемъ имя острова, на которомъ стоитъ этотъ послѣдній монастырь *. Вѣтеръ былъ очень свѣжій; быстро неслись подъ небомъ бѣлыя облака отдѣльными группами, какъ стада птицъ, совершающихъ свое переселеніе осенью и весною. Величественна буря на открытомъ озерѣ, но и у береговъ она имѣетъ свою красу. Тамъ свирѣпыя волны — въ вѣчномъ спорѣ съ вѣтрами, гнѣваются, грозно бесѣдуютъ между собою; а здѣсь онѣ — въ ярости на землю, съ замысломъ дерзновеннымъ. Смотрите, какъ волна *лѣзетъ* на берегъ, говорилъ сопровождавшій меня коневскій старецъ. Точно, волна «лѣзетъ» на берегъ. Это — прямое выраженіе ея дѣйствія. И лѣзетъ она съ упорствомъ не только на берегъ отлогій: на огромную скалу гранитную, стоящую отвѣсно надъ бездною и отъ начала временъ міра смотрящую спо-

* Пароходъ этотъ именуется «Валаамъ». Съ открытія судоходства на Ладожскомъ Озерѣ до осенняго бурнаго времени, пароходъ дважды въ недѣлю ходитъ въ Валаамскій Монастырь, отправляясь каждый разъ изъ Шлиссельбурга.

койно на свирѣпыя бури какъ на дѣтскія игры. На сажень, на двѣ сажени, подымается волна по скалѣ, и въ изнеможеніи упадаетъ къ ея подножію въ мелкихъ брызгахъ, какъ разбитый хрусталь; потомъ снова начинаетъ свою постоянно упорную, постоянно безуспѣшную попытку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ бурю на Ладожскомъ Озерѣ при пасмурной погодѣ. Тогда картина теряетъ много живописности. Воды окрашены сѣрымъ цвѣтомъ; пѣна не серебриста; мутна и желтовата; мгла съуживаетъ рамы зрѣлища; нѣтъ ни того движенія, ни того разнообразія, словомъ, нѣтъ той жизни. Нужны лучи солнца для окончености этой серіозной, полной вдохновенія картины. И самое солнце какъ прекрасно, когда глядитъ съ чистаго, недосягаемаго неба на бурю земную!

Островъ Валаамъ — безспорно, живописнѣйшее мѣсто старой Финляндіи. Онъ находится на сѣверной оконечности Ладожскаго Озера *. Подъѣзжаете къ нему, васъ встрѣчаетъ совершенно новая природа, которой не случалось видѣть путешествовавшему лишь по Россіи: природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостью своею, изъ которой проглядываютъ вдохновенныя, строгія красоты. Вы видите отвѣсныя, высокія, нагія скалы, гордо выходящія изъ бездны: онѣ стоятъ, какъ исполины, на передовой стражѣ. Вы видите крутизны, покрытыя лѣсомъ, дружелюбно склоняющіяся къ озеру. Тутъ какой-нибудь пустынникъ выходитъ съ водоносомъ въ рукѣ, почерпнуть воды и, поставивъ на землю водоносъ, заглядывается на обширное озеро, прислушивается къ говору волнъ, питаетъ душу духовнымъ созерцаніемъ. Вы видите огражденные отвсюду гранитными, самородными стѣнами заливы, въ которыхъ спокойно дремлютъ чистыя, какъ зеркало, воды, въ то время какъ въ озерѣ бушуетъ страшная буря; здѣсь спрятался галіотъ, отъ крушенія, или сойма ждетъ въ затишьи попутнаго вѣтру; а хозяинъ судна уже съ равнодушнымъ любопытствомъ смотритъ на яростныя, ревущія волны озера, недавно хотѣвшія разрушить его судно, въ которое онъ вложилъ все достояніе, всю судьбу свою и своего семейства.

* Островъ Валаамъ отъ ближайшаго берега въ двадцати пяти верстахъ, отъ Финляндскаго города Сердоболя въ сорока, отъ Коневскаго Монастыря въ осьмидесяти; въ окружности имѣетъ около тридцати верстъ; принадлежитъ по гражданскому распредѣленію къ Выборгской губерніи Великаго Княжества Финляндскаго, а по духовному состоитъ подъ вѣдѣніемъ санктпетербургскаго митрополита.

Вы плывете по излучистымъ проливамъ, гдѣ часто двѣ противоположныя скалы сходятся такъ близко, что оставляютъ лишь тѣсный проходъ для одного галіота. Вы опускаете лотъ, измѣряете глубину въ этой узинѣ; глубина тутъ — многія сажени. Вы входите съ сѣверной стороны въ губу, далеко вдавшуюся во внутренность острова; плывете по этой губѣ: съ правой стороны — дремучій лѣсъ на каменныхъ, громадныхъ уступахъ, выходящихъ отвѣсно и навѣсно изъ темныхъ водъ. Этотъ лѣсъ и эти камни отражаются густою тѣнью въ водахъ губы, отъ чего тутъ воды особенно мрачны и ландшафтъ принимаетъ самый грозный видъ. Губа постепенно расширяется и наконецъ образуетъ оваль значительнаго размѣру. Вы отторгаете взоръ отъ этой картины необыкновенной, наводящей на душу невольный ужасъ, но ужасъ пріятный, съ которымъ не хочется разстаться; обращаетесь къ противоположной сторонѣ: передъ вами—обширный монастырь на высокой, длинной, гранитной скалѣ, какъ легкое бремя на плечахъ гиганта. Скала прежде покрывалась бѣловатымъ мхомъ. Монахи счистили мохъ; теперь гранитъ свободенъ отъ сѣдинъ, висѣвшихъ на смугломъ челѣ его; онъ величественъ и грозенъ въ юной наготѣ своей. Изъ трещинъ скалы выросли липы, клены, вязы; по скалѣ вьется плющъ, а подъ скалой разведенъ фруктовый садъ, надъ которымъ колеблются и шумятъ зеленѣющія вершины деревъ, какъ-бы готовыхъ низринуться на садъ, но удерживаемыхъ далеко ушедшими въ скалу корнями. Разительная, великолѣпная картина! Какъ пріятно видѣть селеніе человѣка, его руку, клочокъ земли, политый его потомъ, украшенный его трудами, среди огромныхъ массъ дикой, могучей природы! Пристаете къ гавани, выходите на берегъ: по крутому скату горы устроена гранитная лѣстница; по ней подымаетесь къ монастырю, стоящему на вершинѣ горы, на обширной площади. На эту площадь съ южной стороны ведетъ крутая отлогость; къ западу, къ губѣ, площадь обрѣзывается отвѣсною скалою.

Планъ монастырскихъ зданій состоитъ изъ двухъ четвероугольниковъ, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ въ другомъ. Поднявшись по гранитной лѣстницѣ, на площадь, вы идете по аллеѣ къ Святымъ Воротамъ, находящимся въ наружномъ четвероугольникѣ; противъ этихъ воротъ—другія, во внутреннемъ четвероугольникѣ. Входите въ нихъ: передъ вами на правой сторонѣ соборная церковь Преображенія Господня въ верхнемъ этажѣ, въ нижнемъ — валаамскихъ Чудотворцевъ Сергія и Германа, гдѣ и мощи ихъ почиваютъ подъ спудомъ. Соборъ соединяется посредствомъ га-

лереи съ теплою церковію Успенія Божіей Матери; въ галереѣ помѣщается ризница. На другой оконечности, составляющей собою юго-восточный уголъ — церковь Святителя Николая. На лѣвой сторонѣ, противоположной той линіи, на которой стоятъ храмы—келліи настоятеля и нѣкоторыя братскія. Противъ васъ—братская трапеза и кухня, а въ той линіи, въ которой ворота и гдѣ, предполагаю, вы стоите — келліи чередныхъ іеромонаховъ. Надъ Святыми Воротами наружнаго четвероугольника,—церковь Петра и Павла. Въ линіи этой, съ лѣвой стороны—гостинница; съ правой—келлія духовника и обширная рухольня монастыря. Въ противоположной линіи — больница монастыря съ значительнымъ числомъ келлій, въ которыхъ помѣщаются всѣ престарѣлые и увѣчные. При больницѣ—церкви, въ верхнемъ этажѣ, Пресвятыя Троицы, въ нижнемъ, Живоноснаго Источника. Въ линіи, обращенной къ губѣ, съ одной стороны — продолженіе гостинницы; съ другой — канцелярія монастыря. Въ восточной линіи, съ одной стороны — продолженіе рухольни, съ другой — монастырская библіотека, сравнительно съ прочими монастырями богатая, имѣющая довольно рукописей, почти исключительно состоящихъ изъ твореній Святыхъ Отцовъ, писавшихъ о монашеской жизни. Для исторіи Валаамскаго Монастыря не найдете въ этой библіотекѣ обильныхъ матеріяловъ. Она собрана въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій; древнія рукописи уничтожены, какъ и все древнее въ Валаамскомъ Монастырѣ, пожарами и Шведами. Нѣтъ зданія на всемъ островѣ, ни даже часовни, которымъ бы исполнилось хоть сто лѣтъ.

Но основаніе и существованіе монастыря валаамскаго съ достовѣрностью относится къ глубокой русской древности: къ такому заключенію приводятъ нѣкоторые факты историческіе. Преподобный Авраамій, основатель и архимандритъ Ростовскаго Богоявленскаго Монастыря, пришелъ еще язычникомъ въ Валаамскую Обитель въ 960 году послѣ Рождества Христова, тамъ крещенъ и постриженъ въ монашество *. Въ Софійской Лѣтописи сказано: «Лѣта 6671 (1163 послѣ Рождества Христова) обрѣтены были мощи и перенесены Преподобныхъ отецъ нашихъ, Сергія и Германа валаамскихъ **. Другой лѣтописецъ упоминаетъ, что въ 1192 году игуменъ Мартирій построилъ каменную церковь на

* Рукописное житіе Святаго Авраамія Ростовскаго и «Словарь Россійскихъ Святыхъ».

** Словарь Россійскихъ Святыхъ.

Валаамскомъ Островѣ *. Мѣстное преданіе, подкрѣпляемое этими, и подобными имъ, скудными, до насъ дошедшими свѣдѣніями, признаетъ Преподобныхъ Сергія и Германа греческими иноками, современниками Равноапостольной Великой Княгини Ольги. Если принять въ соображеніе ту рѣшимость, съ какою древніе иноки стремились къ глубочайшему уединенію, то удобство, которое Валаамскій Островъ доставляетъ нынѣ, тѣмъ болѣе доставлялъ тогда, для таковаго уединенія, надо согласиться, что переселеніе сюда греческихъ иноковъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго и несбыточнаго. Во всѣ историческіе просвѣты, въ которые отъ времени до времени проявляется существованіе Валаамскаго Монастыря, видно, что иноки его проводили жизнь самую строгую, что тамъ были и общежитіе и отшельники, и всѣми завѣдывалъ игуменъ. Здѣсь въ четырнадцатомъ вѣкѣ жилъ нѣсколько времени Преподобный Арсеній Коневскій, совершившій дальнее странствованіе на святую Аѳонскую Гору и положившій начало монастырю Коневскому. Сюда во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія вступилъ юношею Преподобный Александръ Свирскій: онъ занимался первоначально трудами въ общежитіи, потомъ безмолвствовалъ на Святомъ Островѣ, въ тѣсной пещерѣ, природной, или изсѣченной въ каменной скалѣ. Святой Островъ — каменная гора, подымающаяся изъ озера, оканчивающаяся къ сѣверу высокимъ утесомъ и принадлежащая къ группѣ малыхъ острововъ, которыми въ разныхъ мѣстахъ обставленъ главный островъ, какъ планета своими спутниками. Въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія проходилъ здѣсь иноческіе подвиги Преподобный Савватій Соловецкій, перешедшій впослѣдствіи для глубокаго уединенія на Бѣлое Море, на дальній сѣверъ, въ пустыни Соловецкаго Острова, дотолѣ необитаемыя. Онъ искалъ тамъ того же, и съ такимъ же мужественнымъ самоотверженіемъ, чего искали Греки Сергій и Германъ на Валаамскомъ Островѣ, находя свой Аѳинъ и свой Олимпъ слишкомъ многолюдными, хотя это многолюдство и составляли лики иночествующихъ **.

* Рукопись библіотеки Валаамскаго Монастыря. Можетъ-быть архивы Финляндіи доставятъ со временемъ свѣдѣнія болѣе опредѣлительныя и подробныя для исторіи Валаама, нежели какое доставляютъ источники, нынѣ извѣстные.

** Пребываніе на Валаамѣ Преподобныхъ Арсенія, Савватія и Александра — достовѣрные факты, сохраненные въ ихъ жизнеописаніяхъ. Въ жизнеописаніи Преподобнаго Свирскаго, написанномъ ученикомъ его, Иларіономъ,

Не разъ Валаамскій Монастырь претерпѣвалъ нашествія отъ Шведовъ; не разъ иноки его падали подъ остріемъ меча, и землю, орошенную потомъ молитвеннымъ, орошали еще и кровію мученическою; неразъ пылали святые храмы и хижины иноческія, зажженныя рукою врага или неосторожности. Но мѣстность Валаамскаго Монастыря, его многообразныя удобства для всѣхъ родовъ иноческой жизни, скоро возобновляли въ немъ черноризное народонаселеніе. Валаамъ назначенъ, освященъ въ мѣсто богослуженія, какъ-бы самою природою. Преданіе древнее, но, кажется, имѣющее основаніе, говоритъ, что въ то отдаленное время, какъ страна эта была во тмѣ идолослуженія, здѣсь совершалось поклоненіе кумирамъ *. Когда взглянешь на эти темныя, глубокія воды, на эти темные, глухіе лѣса, на эти гордыя, могучія скалы, на всю эту величественную картину, безпрестанно измѣняющуюся и безпрестанно живописную; когда прочитаешь въ ней глубокое поэтическое вдохновеніе, сравнишь съ мѣстностью Валаама мѣстность окружающей его Финляндіи, то скажешь: «Да, здѣсь долженъ былъ жестокосердый и воинственный Скандинавъ измѣнять свои бранныя, суровыя думы и ощущенія на благоговѣніе; здѣсь должна была душа его наполняться всѣмъ тѣмъ, что̀ возноситъ душу человѣческую къ высшимъ ощущеніямъ, доставляемымъ религіею. То же преданіе приводитъ сюда Святаго Апостола Андрея, пришедшаго, по сказанію Нестора, изъ Кіева въ Новгородъ и путями морскими возвратившагося въ южную Европу, гдѣ въ Ахаіи ожидалъ его вѣнецъ мученическій. Оно говоритъ, что Апостолъ по рѣкѣ Волхову достигъ Ладожскаго Озера и черезъ озеро достигъ Валаама, обратилъ въ христіанство жрецовъ, обитавшихъ на немъ и основалъ Церковь Христіанскую. Это преданіе называетъ Сергія спутникомъ Апостола и, по отшествіи его, наставникомъ этихъ странъ въ христіанствѣ.

Что̀ мудренаго? «Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ», свидѣтельствуетъ Писаніе о путешествіяхъ Апостоловъ **. Ихъ труды принадлежали не какому-нибудь одному народу, а всему человѣчеству; заботливое вниманіе ихъ, любовь ихъ сердца, привлекались не образованностью, не граждан-

сказано съ достаточною подробностью и великою похвалою о подвижничествѣ валаамскихъ иноковъ.

* Смотри Рукопись библіотеки Валаамскаго Монастыря, ссылающуюся на древнюю рукопись, именуемую «Оповѣдь».

** Псаломъ 18, 5.

скимъ устройствомъ и силою, — привлекались бѣдствіемъ падшаго человѣка, — былъ ли онъ «Скиѳъ или Варваръ, Іудей или Эллинъ» *. Почему же не прійти Святому Апостолу Андрею къ праотцамъ нашимъ, Славянамъ, и сосѣдамъ Славянъ, Скандинавамъ? Почему не посѣтить ему мѣсто, освященное для богослуженія народнаго и тамъ не насадить богопознанія и богослуженія истинныхъ? Почему не допустить мысли, что самъ Богъ внушилъ Апостолу это высокое, святое намѣреніе и далъ силу къ исполненію его? Дикость, малоизвѣстность страны,—дальность, трудность путешествія,—не могутъ быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною, причиною, чтобъ отвергнуть это преданіе. Немного позже временъ апостольскихъ, ходили путями этими цѣлыя воинства: почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божіею и ревностію апостольскою?

Но вотъ уже преданіе не темное, не сомнительное, а вѣрное, чисто-историческое. Монашеская жизнь на Валаамѣ и восточное исповѣданіе Вѣры Христіанской въ странѣ этой процвѣтали гораздо ранѣе и сильнѣе нежели сколько могъ бы заключить путешественникъ при поверхностномъ посѣщеніи края, при кратковременномъ взглядѣ на него. Надо посмотрѣть по-пристальнѣе, надо пожертвовать довольно времени, прислушаться внимательно къ разсказамъ и валаамскихъ иноковъ и прибрежныхъ жителей, и изъ нихъ извлечь свѣдѣніе, достойное быть внесеннымъ въ скрижали исторіи, достойное вниманія современной образованности и памяти образованнаго потомства. Столько укоренилась иноческая жизнь на Валаамскомъ Островѣ, что перекинула побѣги свои черезъ озеро на противоположный берегъ, на которомъ стоитъ теперь Сердоболь. На томъ берегу было двѣнадцать скитовъ, основанныхъ валаамскими иноками, находившихся подъ управленіемъ и духовнымъ руководствомъ игумена валаамскаго. Жители береговъ исповѣдывали православную восточную вѣру, заимствовавъ познаніе ея изъ монастыря валаамскаго; по берегу до самаго Кексгольма стояли храмы православные. Корелы этого берега Ладожскаго Озера были православны, какъ православны теперь Корелы противоположнаго берега, жители Олонецкой губерніи. У тѣхъ и другихъ одинъ языкъ, съ самымъ малымъ измѣненіемъ, не препятствующимъ понимать другъ друга, бесѣдовать другъ съ другомъ; была у нихъ и одна вѣра. Но пришло злополучное время, и Финны склонились къ ученію Лютера.

* Колосс. 3, 11.

Кромѣ устныхъ преданій, единогласно свидѣтельствующихъ объ этомъ фактѣ, есть еще ему живое свидѣтельство. Это — цѣлыя селенія Финляндцевъ,—тысячи Финляндцевъ, исповѣдующихъ понынѣ православную вѣру. Для нихъ богослуженіе отправляется на славянскомъ языкѣ, по нашимъ церковнымъ книгамъ, нашими священниками, которые произносятъ только поученіе народу на его финскомъ языкѣ.

Надѣюсь, что это свѣдѣніе будетъ пріятно многимъ; потому что едва-ли многіе знаютъ, что въ нѣдрахъ Финляндіи еще живо православіе. Оно не вновь насажденное, живетъ тамъ изстари, остатокъ общей древней религіи, замѣнившей язычество. Нынѣшніе прибрежные Финны сохраняютъ въ сердцахъ своихъ любовь къ Церкви предковъ.

Когда же совершилось злосчастное превращеніе?

Религіозная участь финляндскаго берега, въ союзѣ съ участію Валаамскаго Монастыря, изъ котораго, видно, всегда текла, какъ изъ сердца, религіозная жизнь для всей страны этой, процвѣтала и умалялась, сообразно тому, много ли или мало сообщалъ ей силъ Валаамскій Монастырь. Вначалѣ семнадцатаго столѣтія шведскій полководецъ Понтусъ де-ла-Гарди, причинившій столько зла Россіи, разорилъ обитель валаамскую, церкви и келліи предалъ пламени, иноковъ—острію меча; нѣкоторые убѣжали, унося съ собою мощи преподобныхъ основателей монастыря. Подобной участи подвергся и лѣвый берегъ Финляндіи: православные храмы сожжены; священнослужители убиты или изгнаны; постепенно распространенъ между жителями лютеранизмъ, послѣдователи котораго дышали еще фанатическимъ пристрастіемъ къ своей лишь родившейся вѣрѣ, готовившейся умыться въ крови Тридцатилѣтней Войны. Достойно замѣчанія, что селенія, сохранившія православную вѣру, находятся не на самомъ берегу Ладожскаго Озера, не на пути завоевателей, но глубже, въ Финляндіи, за горами, за болотами, естественными оградами страны; тамъ затаились и спаслись онѣ отъ взора и религіи протестантовъ. Въ это-то время многіе Финны перебѣжали въ Россію для сохраненія своей вѣры; вы встрѣчаете ихъ потомковъ православныхъ въ Новогородской и Тверской губерніяхъ.

Когда Промыслъ оружіемъ Петра Перваго каралъ Шведовъ за то, что они, вступивъ въ Россію какъ союзники, вѣроломно попрали законъ Божій и права народныя, изъ союзниковъ превратились въ враговъ и завоевателей, тогда Валаамскій Монастырь перешелъ обратно, вмѣстѣ съ Корелісю, подъ родной ему кровъ

русской державы, проспротствовавъ подъ державою чуждою около столѣтія. Съ 1817 года, по призванію побѣдоноснаго Императора, иноки Кирилло-Бѣлоозерскаго Монастыря пришли на развалины, на пепелище бывшей Валаамской Обители; и опять сооруженъ тамъ храмъ Божій, поставлены келліи. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны все строеніе, которое было деревянное, истреблено пожаромъ. Благочестивая Императрица возобновила монастырь на казенное иждивеніе. Строеніе, какъ и прежде, было воздвигнуто деревянное. Я видѣлъ рисунокъ этого монастыря; мнѣ онъ понравился. По моему мнѣнію, деревянное строеніе идетъ къ обители, столь пустынной, какова валаамская. Какъ миловидны смиренныя хижины иноческія, когда онѣ срублены изъ дерева! какъ онѣ удобны для занятій иноческихъ! Какъ сохраняютъ здоровье, навѣтуемое здѣсь сырымъ климатомъ, порывистыми вѣтрами, самою пищею, подвигами, расположеніемъ духа, утончающими, изможданощими плоть. Быть бы въ Валаамскомъ Монастырѣ большому каменному соборному храму, совмѣщающему въ двухъ этажахъ теплую и холодную церкви, оградѣ каменной, которая защищала бы внутренность монастыря отъ вѣтровъ; а, именно келліи, могли бы быть деревянныя. Стоя въ довольномъ разстояніи одна отъ другой для безопасности въ случаѣ пожара, онѣ окружали бы церковь со всѣхъ сторонъ. Прекрасно это расположеніе: при матеріяльныхъ удобствахъ, имъ доставляемыхъ, оно изображаетъ, что жители этихъ хижинъ, обращенныхъ къ храму Божію, имѣютъ единственною цѣлью служеніе Богу, признали себя странниками на землѣ, признали одною своею потребностью Бога — и потому вокругъ скиніи Его поставили свои кущи. Такимъ образомъ расположено строеніе въ Глинской Пустынѣ, въ Бѣлобережской и нѣкоторыхъ другихъ.

Возстановленіе Валаамскаго Монастыря производилось медленно, съ успѣхомъ скуднымъ; онъ оставался долгое время весьма мало населеннымъ; не привлекались туда любители уединенія, вѣроятно потому, что для возстановленія этой обители употреблены были иноки, не довольно обогащенные знаніемъ и опытностью духовною. Недостаточно для благосостоянія обители одного уединенія, хотя уединеніе — одно изъ главныхъ ея достоинствъ; нужны при уединеніи порядокъ, благоустройство; безъ нихъ уничтожаются всѣ выгоды, доставляемыя собственно уединеніемъ. Напротивъ того, порядокъ переноситъ выгоды уединенія въ обитель, стоящую среди селеній и многолюдныхъ городовъ. Такъ процвѣли многіе монастыри, находившіеся внутри и въ окрест-

постяхъ Константинополя; они произвели знаменоносныхъ Отцовъ, равнявшихся духовными дарованіями съ Отцами, воспитанниками пустынь безлюдныхъ и вертеповъ.

Проницательно замѣтилъ главную, основную нужду Валаамскаго Монастыря митрополитъ санктпетербургскій Гавріилъ, и для удовлетворенія ей вызвалъ въ 1785 году изъ Саровской Пустыни славившагося духовною опытностью старца Назарія, вручилъ ему настоятельство надъ Валаамскимъ Монастыремъ, вспомоществуя самъ и правительственными распоряженіями и матеріяльными средствами. Быстро началъ возникать, шириться Валаамскій Монастырь, наполняться и принявшими и желающими принять обѣты иноческіе. Устроились и общежитіе, и скитъ; явились и пустынножители, и отшельники. Самъ игуменъ Назарій имѣлъ отшельническую келлію; туда удалялся онъ, иногда на цѣлыя недѣли, чтобъ внимательнѣе посмотрѣть на себя, подробнѣе высмотрѣть въ себѣ человѣка, потомъ, изъ собственныхъ, живыхъ опытовъ и созерцаній, почерпать наставленіе для своихъ подчиненныхъ, руководить ихъ къ исправленію себя и совершенству, указаннымъ въ Евангеліи. Отецъ Назарій, какъ постриженецъ и воспитанникъ Саровской Пустыни, былъ наполненъ впечатлѣніями этой обители и осуществлялъ ихъ съ раболѣпною точностью въ Варлаамскомъ Монастырѣ. Какъ зданія въ Саровской Пустынѣ всѣ каменныя, то онъ началъ возводить и въ Валаамскомъ Монастырѣ каменное строеніе. Внутренній четвероугольникъ выстроенъ имъ, а наружный его преемниками. Щедроты Императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича обезпечили вещественное продовольствіе монастыря; онъ по степени — первоклассный, но управляется не архимандритомъ, а игуменомъ, который избирается братіею и утверждается митрополитомъ санктпетербургскимъ.

По устройству своему въ монашескомъ отношеніи, Валаамскій Монастырь — вѣрный снимокъ съ монастырей первенствующей Церкви Христіянской. Онъ имѣетъ монашествующихъ всѣхъ видовъ восточной православной Церкви; имѣетъ и общежитіе, и скитъ, и пустынниковъ, и отшельниковъ. Главный монастырь, о которомъ мы говорили, вмѣщаетъ въ себѣ собственно общежитіе. Иноки, обитающіе въ немъ, участвуютъ въ общемъ Богослуженіи, въ общей трапезѣ, имѣютъ общую, одинаковую одежду, трудятся въ послушаніяхъ частныхъ и общихъ. Исчислимъ виды послушаній.

Первое послушаніе — служеніе настоятеля, которое бла-

гословляется, въ которомъ утверждается онъ епархіальнымъ архіереемъ. Это не есть начальство сего міра. Это — бремя легкое и вмѣстѣ тяжкое. Эти рамена должны носить немощи всего братства. Какая крѣпость должна быть въ раменахъ этихъ! Какое нужно имѣть настоятелю великодушіе, какое самоотверженіе! Нужно полное забвеніе своего *Я*, чтобъ эта угловатая и жесткая буква не ранила, тѣмъ болѣе не убила никого изъ ближнихъ. Второе послушаніе — послушаніе намѣстника, котораго уже избираетъ настоятель съ совѣта братіи, а утверждаетъ епархіальный архіерей. Намѣстникъ — главный помощникъ настоятеля по всѣмъ отраслямъ монастырскаго управленія. Третье послушаніе — казначея, который имѣетъ смотрѣніе за суммами монастырскими; четвертое — ризничаго, завѣдывающаго ризницею. За ризничимъ слѣдуютъ духовники; кромѣ ихъ никто изъ іеромонаховъ не можетъ принимать на исповѣдь, ни братіи, ни пріѣзжающихъ въ монастырь богомольцевъ. Подобно намѣстнику, казначей, ризничій и духовники утверждаются епархіальнымъ архіереемъ и составляютъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ такъ-называемый «соборъ», или старшую братію, приглашаемую настоятелемъ на совѣщанія и обязанную участвовать въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, представляемыхъ на усмотрѣніе епархіальному начальству, которое въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ предписаніе настоятелю съ старшею братіею и получаетъ отвѣтъ за общимъ подписаніемъ. Дальнѣйшія послушанія: чреда священнослуженія, отправляемая всѣми іеромонахами, пользующимися достаточнымъ здоровьемъ и силами, кромѣ намѣстника и казначея, и всѣми іеродіаконами. Пономари выбираются изъ монашествующихъ и послушниковъ самой скромной и чистой жизни. Способные къ церковному чтенію и пѣнію назначаются для крилоснаго послушанія. Въ крилосномъ послушаніи участвуютъ нѣкоторые іеромонахи и іеродіаконы въ свободное время отъ чреды своей. Для прочихъ послушаній назначаются монахи и послушники. Упомянемъ и объ этихъ послушаніяхъ, чтобъ познакомить читателя по возможности съ организаціею монастыря. Нѣкоторые изъ братіи занимаются шитьемъ ризницы и одеждъ для всего монастыря; другіе шьютъ обувь; иные находятся при кухнѣ, хлѣбнѣ, просфорнѣ и трапезѣ; иные занимаются столярною, кузнечною и слесарною работою; другіе ловятъ рыбу; еще другіе трудятся въ садахъ, огородахъ, на поляхъ; нѣкоторые моютъ бѣлье; словомъ сказать, валаамское общежитіе удовлетворяетъ самой большей части своихъ требованій. Каждое такое отдѣльное занятіе называется

«послушаніемъ». Судя по нуждѣ, иное послушаніе исправляетъ одинъ братъ, а иное исправляютъ многіе. Такъ, при библіотекѣ, при аптекѣ, при погребѣ, находится по одному, уже испытанному брату. Но при кухнѣ, при прачешной, при рухольной и при другихъ подобныхъ, имѣется по нѣскольку братій, изъ которыхъ главный обыкновенно въ общежитіи валаамскомъ называется «хозяиномъ», а прочіе его «помощниками». Есть послушанія, называемыя «общими», какъ то: приготовленіе дровъ, уборка сѣна, молоченіе хлѣба, сажденіе, поливка и уборка огородныхъ овощей. На эти общія послушанія употребляются братія, неспособные къ послушаніямъ частнымъ, при которыхъ, какъ ясно видно изъ сказаннаго, нужно бо́льшее или меньшее знаніе поручаемаго дѣла. Когда кто-либо изъ желающихъ поступить въ обитель бываетъ принятъ, то сначала онъ посылается на послушанія общія, гдѣ удобнѣе высматриваются его характеръ, навыки и поведеніе. Если впослѣдствіи онъ окажется способнымъ къ какому-нибудь частному послушанію, его опредѣляютъ въ число помощниковъ и, уже послѣ многихъ лѣтъ и испытаній, повѣряютъ соотвѣтствующую познаніямъ, или ремеслу его, отдѣльную часть. Всѣ братія, въ-особенности «новоначальные» (новоначальными называются недавно поступившіе въ монастырь), находятся въ частомъ сношеніи съ духовниками, и на этомъ-то сношеніи основано и держится нравственное благоустройство младшаго братства; въ преуспѣвшихъ оно поддерживается сверхъ-того внимательнымъ чтеніемъ Отеческихъ писаній и прилежнымъ хожденіемъ къ Божественнымъ службамъ. Библіотекарь выдаетъ по распоряженію настоятеля книги, соотвѣтствующія душевному устроенію каждаго. Братія, находящіеся въ послушаніяхъ, бываютъ во всѣ праздничные дни при всѣхъ церковныхъ службахъ; въ прочіе же дни недѣли приходятъ къ утрени, и отслушавъ ее до шестипсалмія, идутъ на труды свои, а послѣ вечерней трапезы участвуютъ въ общемъ вечернемъ правилѣ.

Богослуженіе отправляется по церковному уставу,—состоитъ изъ утрени или всенощной передъ праздникомъ, двухъ литургій—ранней и поздней, вечерни и правила, которое совершается послѣ ужина и заключается въ чтеніи молитвъ на сонъ грядущій, помянника, и въ нѣсколькихъ поклонахъ. Напѣвъ знаменный или такъ-называемый «столбовой»—старинный русскій. Тоны этого напѣва величественны, протяжны, заунывны; изображаютъ стоны души кающейся, вздыхающей въ странѣ своего временнаго изгнанія о блаженной, желанной странѣ радованія вѣчнаго, наслаж-

денія чистаго, святаго. Такъ! эти самые тоны, а не иные, должны раздаваться въ этой обители, которой самыя зданія имѣютъ образъ темницы, жилища, назначеннаго для рыданій, для душъ важныхъ и глубокихъ, для размышленій о вѣчности. Эти тоны—въ гармоніи съ дикою, строгою природою, съ громадными массами гранита, съ темнымъ лѣсомъ, съ глубокими водами. Эти тоны, то тянутся плачевно, тоскливо, какъ вѣтеръ пустынный, то постепенно исчезаютъ, какъ эхо середи скалъ и ущелій, то загремятъ внезапно. Кажется, они то хотятъ, чтобы сжалилось надъ ними небо, то требуютъ съ порывомъ, въ страшномъ недоумѣніи, чтобъ оно услышало ихъ: тогда они гремятъ! Величественное «Господи, помилуй» подобно вѣтру пустынному: такъ оно плачевно, умилительно и протяжно! Падшій человѣкъ ощутилъ, при помощи уединенія, свое паденіе, увидѣлъ его въ себѣ, убѣдился въ немъ и предался непрестанному стенанію въ надеждѣ помилованія. Пѣснь «Тебѣ поемъ» оканчивается протяжнымъ, переливающимся звукомъ, постепенно стихающимъ, теряющимся незамѣтно, какъ эхо въ воздухѣ, подъ сводами храма. Когда же братія запоютъ на вечернѣ: «Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя», то глухіе звуки сперва какъ-бы ходятъ, блуждаютъ въ пропасти, потомъ съ быстротою и громомъ исторгаются изъ нея, несутся къ небу, несутъ туда мысль и желаніе, пламенныя какъ молнія: тогда они гремятъ! Художникъ найдетъ въ пѣніи валаамскомъ много негладкостей, недостатокъ въ исполненіи; но онъ же и признаетъ глубокое набожное чувство и необыкновенную энергію, которая потрясаетъ душу. Здѣсь все должно быть важно, грандіозно. Все веселое, легкое, игривое, показалось бы страннымъ, уродливымъ. Не устрашитесь отъ этого сказанія, сказанія правдиваго. Не подумайте, что здѣсь живетъ и можетъ жить только несчастіе. Нѣтъ! И здѣсь есть свое утѣшеніе: утѣшеніе плачущихъ, возвѣщенное въ Евангеліи.

Отдѣльныхъ храмовъ въ Валаамской Обители—семь, изъ которыхъ соборъ отличается передъ всѣми красотою и внутреннимъ убранствомъ; въ иконостасѣ его нижній ярусъ иконъ покрытъ серебряными ризами. Умноженіе числа церквей, отъ чего нѣтъ ни одной, не исключая и соборной, которая бы вмѣщала всѣхъ живущихъ въ Валаамскомъ Монастырѣ, пестрая роспись соборнаго храма и трапезы — образчики первоначальнаго, неочищеннаго образованностью, вкуса русскаго человѣка, который—житель Европы и сосѣдъ Азіи. Вмѣсто такого числа храмовъ, гораздо было бы лучше, если бъ одно обширное зданіе вмѣщало въ себѣ теп-

лую и холодную церкви, чему примѣръ — въ Коневскомъ Монастырѣ. Могла бы быть еще церковь при больницѣ. Такимъ образомъ вполнѣ удовлетворялось бы неудовлетворямое нынѣ, существенное требованіе монастыря, состоящее въ томъ, чтобъ вся братія и пріѣзжающіе посѣтители могли помѣщаться въ церкви и участвовать въ богослуженіи. Не такъ разсуждали строители обители. Ихъ усердіе нуждалось въ отдѣльныхъ храмахъ Святителя Николая, Апостоловъ Петра и Павла, Живоноснаго Источника. И стоятъ эти храмы безъ богослуженія, которое отправляется въ каждомъ только однажды въ годъ, въ праздникъ храма. Но и въ храмовый праздникъ отдѣльной церкви Пресвятыя Троицы не можетъ быть отправляема въ ней служба Божія по крайней тѣснотѣ, а правится она въ соборѣ. По окончаніи литургіи немедленно всѣ идутъ въ трапезу, на которой поставляется пища простая, но здоровая и удовлетворительная, по указанію церковнаго устава, то есть, въ праздничные дни рыбная, въ обыкновенные дни съ масломъ, а въ среды и пятницы, въ будни Великаго Поста, безъ рыбы и безъ масла, изъ однихъ растеній. Во время трапезы наблюдается глубокое молчаніе и звучный голосъ чтеца возвѣщаетъ собранному братству самоотверженіе, добродѣтели и подвиги Святыхъ Угодниковъ Божіихъ. Ужинъ бываетъ послѣ вечерни: во время его равнымъ образомъ производится душеназидательное чтеніе. Въ дни великихъ праздниковъ, за часъ до вечерни, поставляется въ трапезѣ общій чай, что̀ валаамскіе старички назвали «утѣшеніемъ». Трогательно видѣть, какъ спѣшатъ къ этому утѣшенію, съ деревянными чашечками въ рукахъ, дряхлые, едва могущіе ходить, пришедшіе въ младенчество старички: ихъ стынущая кровь жаждетъ оживиться кипящею водою. Много въ обычаяхъ Валаамскаго Монастыря — простоты, патріархальности. Пріятно и умилительно отзываются эти обычаи родною нашею старинною, старинною русскою, въ которой наблюдатель часто встрѣчаетъ простодушное и національно-священное — соединенными!

Ризница монастыря украшена щедрыми вкладами Государя Императора Александра Павловича, питавшаго особенное расположеніе къ Валаамской Обители, которую въ 1819 году онъ благоволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ. Въ 1844 году посѣтилъ ее Великій Князь Константинъ Николаевичъ и въ память посѣщенія своего пожаловалъ ей богатые сосуды. Посереди площадки, образуемой внутреннимъ четвероугольникомъ монастырскихъ зданій, на которой живетъ какое-то особенное, ти-

хое, благоговѣйное чувство, монахи воздвигли мраморный памятникъ съ надписью. Надпись возвѣщаетъ современникамъ и хранитъ для потомства событія: посѣщеніе обители Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Надпись въ соборной церкви указываетъ мѣсто, на которомъ Александръ Благословенный стоялъ во время богослуженія, не обременяясь продолжительностью богослуженія монастырскаго. Надпись въ гостинницѣ указываетъ тѣ покои, въ которыхъ останавливался Государь. Мраморный четвероугольный камень съ надписью, обсаженный цвѣтами, стоитъ въ саду, на томъ мѣстѣ, съ котораго Великій Князь Константинъ Николаевичъ снималъ видъ монастыря. Точно такой же камень поставленъ на другой сторонѣ залива, въ лѣсу, подъ густою сѣнію елей и сосенъ, на мѣстѣ, гдѣ Великій Князь оканчивалъ свой рисунокъ, начатый въ саду, откуда видъ монастыря особенно величественъ и живописенъ. Ставя эти камни и высѣкая эти надписи на камняхъ, монахи валаамскіе выражали чувство своего сердца, то чувство любви и преданности къ Царямъ и Царственному Дому, которыми во всѣ вѣка исторіи русской отличалось наше духовенство.

Одежда иноковъ валаамскихъ, какъ и пища ихъ, проста, но удовлетворительна. Она, и матеріялы къ ней, хранятся въ рухольнѣ. Это — рядъ комнатъ, въ которыхъ сложены сукна, нанки, полотна, нитки, кожи, сшитое бѣлье, готовыя рясы, подрясники, мантіи, шубы; и все это — въ значительномъ количествѣ. Рухольный имѣетъ книгу, въ которой записываютъ кому изъ братій что выдано. Изношенная одежда возвращается въ рухольню и вмѣсто ея выдается новая. Вновь поступающему въ монастырь отпускаются нужныя бѣлье, одежда, и обувь. Валаамская рухольна можетъ во всякое время снабдить всѣмъ нужнымъ до ста человѣкъ. Такіе запасы по всѣмъ отраслямъ хозяйственности необходимы въ Валаамскомъ Монастырѣ, по многолюдности его, по отдаленности отъ городовъ, наконецъ по тому, что весною, когда ломаетъ ледъ, и въ особенности осенью, когда онъ становится, сообщеніе съ берегомъ всегда затруднительно, часто невозможно. Озеро между Сердоболемъ и Валаамомъ замерзаетъ, но не ранѣе половины января; до этого времени безчисленныя льдяныя глыбы странствуютъ въ разныхъ направленіяхъ по всему необъятному пространству, и судно, которое рѣшилось бы пуститься въ озеро, непремѣнно было бы окружено и истерто льдами.

Библіотека монастырская имѣетъ всѣ книги, нужныя для снисканія полныхъ свѣдѣній въ монашеской жизни. Кромѣ напечатанныхъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ, находятся многія рукописныя. Перечислимъ достопримѣчательнѣйшія рукописи. Первое мѣсто между ними по рѣдкости своей должны занимать «Оглашенія», Преподобнаго Ѳеодора, игумена константинопольской Студійской Обители, или «Бесѣды его къ братіи.» Книга эта значительнаго объему. Польза ея признана Церковію и уставомъ церковнымъ положено въ извѣстные дни Великаго Поста читать ее въ церкви на службахъ церковныхъ *. Это постановленіе касается собственно монастырей. Бесѣды Студита дышатъ любовью, которую онъ питалъ къ братству своему; онъ называетъ ихъ и отцами своими, и наставниками, и братіями, и чадами; ученіе его необыкновенно просто, доступно для понятія всѣхъ, особенно идетъ для иноковъ общежительныхъ, какъ имѣющее исключительнымъ предметомъ различныя обязанности и обстоятельства общежитія. Есть рукописныя книги Отцовъ, описавшихъ подвигъ умной молитвы и дающихъ для ней спасительныя наставленія и предостереженія. Таковы Григорія Паламы, Каллиста Антиликуди, Симеона Новаго Богослова, Преподобнаго Нила Сорскаго, русскаго писателя. Есть книги для руководства жителей скита, пустынниковъ и отшельниковъ: таковы Патерики, книга знаменитаго наставника безмолвниковъ Исаака Сирскаго; книга «Цвѣтникъ» священно-инока Дороѳея, русскаго писателя, жившаго, какъ видно изъ самой книги, во времена Патріарховъ. Сдѣлаемъ изъ этой послѣдней книги нѣкоторыя выписки, облегчая славянскій языкъ русскимъ, какъ по нравственному и аскетическому достоинству книги, такъ особенно потому, что писатель — нашъ соотечественникъ, нами забытый. Лишь какой-нибудь пустынникъ читаетъ и перечитываетъ его вдохновенную книгу, исполненную драгоцѣнныхъ духовныхъ совѣтовъ. Пусть раздастся и для насъ его голосъ изъ гроба, куда похоронило его наше забвеніе. Этому голосу, вѣщающему глубокія истины, прилично раздаться изъ строгой Валаамской Обители.

«О, любимый мой читатель, — такъ начинаетъ свою книгу «священно-инокъ, — хочешь ли, покажу тебѣ вещь честнѣе «чистаго злата и сребра и многоцѣннаго бисера и камня драго«го! Ты ничѣмъ не возможешь найти и купить Царствія Небес«наго, будущей радости и покоя, какъ только сею вещію. Она

* Уставъ церковный, смотри Понедѣльникъ Святой Четыредесятницы.

« есть уединенное чтеніе и слушаніе со вниманіемъ и усердіемъ « святыхъ Книгъ Божественнаго Писанія. Невозможно, невозможно « спастись тому, кто не будетъ часто читать боговдохновеннаго, « святаго Писанія. Какъ птица безъ крыльевъ не можетъ возле- « тѣть на высоту, такъ и умъ безъ Книгъ однѣми собственными « помышленіями не можетъ домыслиться, какимъ образомъ полу- « чить спасеніе. Чтеніе въ уединеніи и слушаніе со вниманіемъ « и усердіемъ святыхъ Книгъ Божественнаго Писанія роди- « тели и начало всѣхъ добродѣтелей и всякаго благаго дѣла; пото- « му что всѣ добродѣтели раждаются отъ него, отъ него начи- « наются. Уединенное чтеніе и слушаніе со вниманіемъ и усер- « діемъ святыхъ Книгъ Божественнаго Писанія съ цѣлью дѣянія « и своего спасенія, раждаютъ всякую добродѣтель, суть источ- « никъ всѣхъ благъ, отгоняютъ отъ насъ всякую грѣховную и « злую страсть, всякое грѣховное похотѣніе, желаніе и дѣйствіе, « свое и бѣсовское. Святые Отцы признаютъ уединенное чтеніе « и слушаніе со вниманіемъ и усердіемъ святыхъ Книгъ Боже- « ственнаго Писанія старѣйшиною и царемъ надъ всѣми добродѣ- « телями»... Подъ Божественнымъ Писаніемъ священно-инокъ разумѣетъ не однѣ собственно священныя Книги Ветхаго и Новаго Завѣта, но и писанія Святыхъ Отцовъ; въ этомъ случаѣ онъ выражается такъ же, какъ и преподобный Нилъ Сорскій. Такое начало имѣетъ необыкновенную, драгоцѣнную важность: имъ признаетъ священно-инокъ необходимость неотступно держаться, не только догматическаго, но и нравственнаго преданія Церкви; имъ онъ вступаетъ въ союзъ единомыслія со всѣми аскетическими святыми писателями Восточной Церкви. Всѣ они единогласно утверждаютъ, что, для непогрѣшительнаго шествія путемъ иноческихъ подвиговъ, необходимо руководство писаніями Святыхъ Отцовъ, что это — единственный способъ спасенія, остающійся намъ по умаленіи духовныхъ наставниковъ. И такъ съ самыхъ первыхъ словъ священно-инокъ ставитъ читателя на стези правыя, святыя, безопасныя, предписанныя и благословенныя Церковію, даетъ ученику своему характеръ опредѣлительный, характеръ сына Восточной Церкви, вводитъ его въ духовное общеніе со святыми иноками всѣхъ вѣковъ христіанства, устраняетъ отъ всего чуждаго, отъ всего поддѣльнаго. Какъ превосходенъ характеръ сына Восточной Церкви! Какъ онъ простъ, величественъ и святъ! Протестантъ холодно-уменъ. Римлянинъ — восторженъ, увлекается, уносится; сынъ Восточной Церкви проникнутъ святою истиною и кроткимъ миромъ. Первые два характе-

ра — земные; послѣдній низшелъ съ неба и предстоитъ нашимъ взорамъ въ Евангеліи. Этотъ характеръ воспитывается въ инокѣ чтеніемъ Священнаго Писанія и твореній Святыхъ Отцовъ; напитываясь этимъ чтеніемъ, онъ содѣлывается наперсникомъ Истины и причастникомъ подаемаго ею Святаго Духа.

Чисто и проницательно взглянулъ священно-инокъ на современное ему монашество; драгоцѣнно сдѣланное имъ замѣчаніе. «Часто удивлялся я тому, говоритъ онъ, какъ Святые древніе «Отцы въ короткое время достигали спасенія, приходили въ со«вершенство, обрѣтали благодать; а въ нынѣшнія времена мало «спасающихся! Но вотъ чѣмъ всѣ Святые Отцы достигли совер«шенства и спасенія, обрѣтали благодать, сподоблялись дара чу«дотворенія: они отъ всей души послѣдовали всѣмъ словамъ и «заповѣдямъ Господа, болѣе всего старались соблюдать ихъ, все«гда ихъ имѣли въ умѣ своемъ.... Во-первыхъ, должно сохранять «заповѣди Христовы, потому что Святое Евангеліе — уста «Христовы, ежедневно намъ глаголющія; а потомъ сохранять «преданіе Святыхъ Отцовъ, исполнять дѣланія, заповѣданныя «ими, сими дѣланіями утруждать тѣла свои.... Безъ исполненія «заповѣдей Господнихъ святыхъ, священныхъ и свѣтоносныхъ, «преданіе и правила наши суетны.... Несохраняющій заповѣдей «Господнихъ повреждаетъ и погубляетъ труды свои великіе, ли«шается совершенства, спасенія и благодати. Несохраняющій за«повѣдей Господнихъ и не устраивающій внутри себя мѣста для «благодати, не можетъ прійти въ совершенство и пріять благо«дати. Чуждъ духовной мудрости, кто упражняется въ подвигахъ «тѣлесныхъ, а не брежетъ о заповѣдяхъ Господа! Ничто наше «не пріятно Богу безъ исполненія заповѣдей Господа. Какъ тща«тельно и неуклонно сохраняли ихъ Святые Отцы, такъ и намъ «должно сохранять ихъ, сколько силы наши позволяютъ *»....

Душеполезнѣйшее наставленіе! Записать бы его каждому иноку, заботящемуся о приготовленіи себѣ блаженной вѣчности, на скрижаляхъ сердца, неизгладимыми письменами!

Прекрасная душа священно-инока говорила отъ избытка сердца и изливалась часто съ непринужденнымъ, плѣнительнымъ краснорѣчіемъ. Нѣкоторыми мѣстами его украсились бы страницы лучшихъ писателей. Какъ изящны слѣдующія строки: «Когда мы «изработываемъ животъ безсмертный, то не должны бояться на«пастей, скудости въ тѣлесныхъ потребностяхъ, ни самой смер-

* Цвѣтникъ, глава 6.

« ти. Сказалъ Господь: «Не пещитеся убо глаголюще, что ямы, или « что піемъ, или чимъ одеждимся, всѣхъ бо сихъ языцы мира « сего пищутъ, некрещенные, незнающіе Бога: вѣсть бо Отецъ « вашъ Небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Ищите прежде Цар- « ствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ» *. И « такъ Онъ далъ обѣщаніе! Я, говоритъ онъ, пища тебѣ и одеж- « да; Я послужу тебѣ въ немощи твоей, какъ отецъ, и мать, и « другъ задушевный. Я доставлю все, что нужно тебѣ, и по- « работаю тебѣ благодатью Моего. Только ты вѣруй Мнѣ все- « душно и несомнѣнно, служи мнѣ и твердо надѣйся, что могу « исполнить обѣщанное мною» **.

Совершились надъ священно-инокомъ слова Боговдохновеннаго Давида, который сказалъ: «Отрыгнутъ устнѣ мои пѣніе, егда научиши мя оправданіемъ Твоимъ (***).» Когда сама Божественная благодать, вселившись въ сердце, начнетъ научать его закону Духа, тогда человѣкъ дѣлается вдохновеннымъ. Оживаютъ его мысли и чувствованія новою жизнію Духа и бесѣда его носитъ печать возвышеннѣйшей поэзіи. Таковы многія мѣста писаній священно-инока, и между прочими начало 11-й главы, гдѣ онъ бесѣдуетъ къ душѣ своей: «Возлюбленная душа моя, говоритъ онъ: « не отлагай года за годъ, мѣсяца за мѣсяцъ, времени за время, « дня за день, не проводи ихъ въ тщетномъ ожиданіи! Чтобъ не « пришлось тебѣ вздохнуть отъ всего сердца, поискать могуща- « го участвовать въ твоей скорби и не найти его. Ахъ! сколько « тогда начнешь терзаться, сколько плакать, рыдать и сѣтовать, « раскаяваться безполезно! Ты можешь сегодня сдѣлать добро: « не отлагай его на завтрашній день! Ты не знаешь, что родитъ « день завтрашній, не постигнетъ ли тебя въ сію ночь какое « бѣдствіе! Ты не знаешь, что несетъ съ собою день, что несетъ « ночь. Душа моя! нынѣ время терпѣнія скорбей! Нынѣ время « исполненія заповѣдей Господнихъ и добродѣтелей отеческихъ! « Нынѣ время плача и рыданія, слезъ раждающихъ сладость и « радость! О, душа моя! если истинно хочешь спастись, возлюби « скорби, какъ прежде ты любила наслажденіе; живи, умирая еже- « дневно. Скоро проходитъ житіе наше и исчезаетъ, какъ тѣнь « облака, производимая солнцемъ. Дни жизни нашей разливаются, « какъ дымъ на воздухѣ»... Цвѣтникъ — одна изъ возвышен-

* Матѳія 6, 31, 32, 33.

** Цвѣтникъ, глава 10.

*** Псаломъ 118. 171.

нѣйшихъ аскетическихъ книгъ; этимъ достоинствомъ она приближается къ знаменитой книгѣ Исаака Сирскаго. Два писателя Русской Церкви писали о умномъ дѣяніи, Нилъ Сорскій и священно-инокъ Дороѳей; книга перваго — весьма полезное руководство для начинающаго подвигъ безмолвія, а втораго — для преуспѣвшихъ и приближающихся къ совершенству. Ученіе о умной молитвѣ изложено въ «Цвѣтникѣ» съ необыкновенною ясностью, простотою, окончательностью. Повсюду видны обильное духовное преуспѣяніе и здравый смыслъ русскаго человѣка, упрощевающій мудреное, излагающій возвышеннѣйшее духовное ученіе съ необыкновенною естественностью, чрезвычайно внятно и — изящно! Въ-особенности таковы его поученія—О чистотѣ сердечной, умной и душевной, О безстрастіи, О помраченіи ума, О трезвеніи ума, О святой чистой молитвѣ. По возвышенности и святости этихъ предметовъ, для которыхъ есть свое время и мѣсто, мы не дерзаемъ дѣлать выписокъ; желающаго познакомиться съ ними отсылаемъ къ самой книгѣ. Сказываютъ уже много и заглавія поученій. Для такихъ-то духовныхъ упражненій преуспѣвшіе иноки переходятъ отъ общежитія къ жизни скитской и отшельнической.

Скитъ Валаамскаго монастыря находится отъ главной обители въ трехъ верстахъ. Путь къ нему—и водою и сухимъ полемъ. Надо спуститься изъ монастыря по гранитной лѣстницѣ къ гавани. Здѣсь садитесь въ катеръ и, тѣмъ же заливомъ, которымъ прибыли въ монастырь, плывете далѣе, въ глубину острова, въ Скитъ. Заливъ, то съуживается, то расширяется; вы непрестанно видите съ обѣихъ сторонъ ландшафты, измѣняющіеся въ формахъ и сохраняющіе тонъ угрюмый. Наконецъ въѣзжаете въ большую овалъ, окруженную отлогими берегами, на которыхъ растетъ много березокъ, рябинъ, клену; скалы почти скрылись отъ васъ; кое-гдѣ, вдали, изъ-за елей и сосенъ, выглядываетъ камень. Воды овали не мрачны: въ нихъ пріятно отражается синева небесъ. Зеленѣющіе луга, непещренные и благоухающіе безчисленными дикими цвѣтами, утѣшаютъ вашъ взоръ. Здѣсь нѣтъ вѣтру, того суроваго, порывистаго вѣтру, который рѣдко стихаетъ на возвышенной открытой площади, гдѣ стоитъ главный монастырь. Здѣсь такъ все гостепріимно, радушно! Вамъ легко; вы чувствуете, что отдыхаете. И дѣлается вамъ понятнымъ, что дикая природа съ ея картинами, наводящими ужасъ, на которыя вы непрестанно доселѣ смотрѣли, привела ваши тѣлесныя и душевныя чувства въ напряженіе. Вы поднимаетесь по отлогому лугу излучистою тропин-

кою, входите въ чащу лѣсу — и передъ вами, внезапно, уединенный Скитъ. Посреди Скита—каменная двух-этажная церковь въ византійскомъ вкусѣ; вокругъ церкви — отдѣльныя келліи братій, также каменныя—и каменная ограда. Скитъ со всѣхъ сторонъ; въ лѣсу; въ немъ необыкновенная тишина. Совсѣмъ другое чувство обдастъ васъ, когда взойдете въ Скитъ, нежели при входѣ въ монастырь. Тамъ все дышетъ жизнью, жизнью строгою; здѣсь же какое-то непостижимое спокойствіе, какъ-бы спокойствіе скончавшихся блаженною кончиною. Въ Скиту отправляется богослуженіе дважды въ недѣлю, въ воскресеніе и субботу; въ прочіе дни братія безмолвствуютъ по келліямъ своимъ, занимаясь молитвою, чтеніемъ, богомысліемъ и рукодѣліемъ; а въ храмѣ одинъ инокъ совершаетъ чтеніе псалтыря и поминовеніе почившихъ братій и благотворителей Валаамской Обители. Это чтеніе и поминовеніе совершаются непрерывно день и ночь, для чего братія, живущіе въ Скиту, чередуются. Пища предлагается въ общей трапезѣ; она гораздо скуднѣе монастырской и почти исключительно растительная. На Пасху и прочіе великіе праздники скитскіе братія приходятъ въ монастырь, участвуютъ съ монастырскою братіею въ богослуженіи торжественномъ, и вкушаютъ съ ними въ общей трапезѣ праздничную пищу, непревышающую никогда и въ самомъ монастырѣ четырехъ перемѣнъ. Уха, еще другое блюдо рыбы, кусокъ пирога, — вотъ признакъ великаго праздника на трапезѣ валаамскихъ братій. Сковрадо-праженія исключены изъ числа ихъ яствъ: они признаютъ ихъ лакомствомъ, для себя не позволительнымъ. Въ Скиту живетъ до двѣнадцати братій, или немного болѣе. Дорога изъ Скита къ монастырю сухимъ путемъ также ландшафтна,—идетъ по берегу залива, по прекраснымъ рощамъ, по холмамъ и горамъ, — и часто начинаютъ стучать колеса экипажа на голомъ гранитѣ.

По разнымъ мѣстамъ острова, въ глухомъ уединеніи, при опушкѣ лѣсу на холмикѣ, или на маленькомъ лугу среди лѣсу, стоятъ одинокія хижины пустынниковъ, срубленныя изъ бревенъ. Число пустынниковъ весьма невелико. Жизнь отшельническая можетъ быть дозволена только самымъ опытнымъ въ иночествѣ, зрѣлымъ по возрасту и духовному разуму. Пустынники, подобно скитской братіи, приходятъ въ монастырь на великіе праздники.

Посѣтители монастыря помѣщаются въ гостинницѣ; есть особенный пріютъ и для нищихъ, которыми богата эта часть Финляндіи. Нищимъ дозволяется быть на Валаамѣ втеченіи двоихъ сутокъ и пользоваться трапезою, нарочно приготовляемою въ ихъ

пріютѣ; а на дорогу даютъ каждому два куска ржанаго хлѣба. И для этого-то подаянія стремится за сорокъ, за пятьдесятъ верстъ Финляндецъ въ монастырь валаамскій! Лѣтомъ, лишь очистится путь по озеру, многіе десятки челноковъ ежедневно приносятъ нищихъ по бурной пучинѣ къ монастырю. Уѣзжаютъ одни; на мѣсто ихъ пріѣхали уже другіе. Зимою, лишь встанетъ ледъ, цѣлыя стаи ихъ пускаются пѣшкомъ въ трудное путешествіе, несмотря ни на лютость морозу, ни на дальность. Идутъ полу-обнаженные по льду! Идутъ и старцы увѣчные, и дѣти, женщины съ грудными младенцами. Нерѣдко находятъ на льдяной степи замерзшіе трупы этихъ бѣдняковъ, думавшихъ уйти отъ голоду, и убитыхъ морозомъ.

Нельзя, наконецъ, не принести дани слова больницѣ валаамской, которая есть спокойный пріютъ не только для изветшавшихъ и недужныхъ валаамскихъ иноковъ, но и для иноковъ всей петербургской епархіи. При больницѣ есть отдѣльная церковь, отдѣльная трапеза, особенная прислуга и небольшая аптека, снабженная самыми нужными медикаментами.

Валаамскій Островъ съ принадлежащими ему малыми островами — не что иное какъ цѣльный, поднявшійся изъ Ладожскаго Озера камень, возвышенностями, буграми котораго образуются скалы, горы и утесы, а углубленіями—заливы, проливы, озера. Вы убѣдитесь въ этомъ измѣреніями глубины озера. Въ заливахъ, проливахъ, на всемъ пространствѣ между главнымъ островомъ и мелкими островами, глубина эта — пять, десять, въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ—двадцать саженъ; но едва вы выѣхали на чистое озеро, глубина въ сотнѣ шаговъ отъ берега простирается уже на семьдесятъ, на сто саженъ, доходитъ почти до двухъ-сотъ. Почва — повсюду сплошной камень, покрытый слоемъ растительной земли на четверть аршина, мѣстами и болѣе. Рѣдко, въ маломъ количествѣ, не на дальную глубину, есть песокъ и глина. Слой земли, покрывающій «луду»,—такъ валаамскіе иноки называютъ свой камень,—особенно плодороденъ: близъ монастыря разведены два фруктовые сада, одинъ подъ скалою, на которой стоитъ монастырь, другой по правую сторону гранитной лѣстницы, ведущей отъ гавани въ обитель. Въ этихъ садахъ яблони свѣжи, сочны, свидѣтельствуютъ о добротѣ грунта; а яблоки, созрѣвающіе развѣ однажды въ десять лѣтъ, приносятъ жалобу на климатъ, на слабость здѣшнихъ солнечныхъ лучей. Въ этой жалобѣ участвуютъ съ ними крупныя дыни и арбузы, растущіе на огородахъ валаамскихъ; они очень сочны, но

сокъ ихъ мертвый: не солнце нагрѣваетъ въ немъ сладости. Огородные продукты весьма хороши; ихъ родится значительное количество, достаточное для всего братства многочисленнаго, для многихъ рабочихъ, живущихъ въ монастырѣ, для многихъ посѣтителей монастыря. Сѣютъ въ нѣкоторомъ количествѣ рожь и овесъ; но главный запасъ хлѣба закупается въ Петербургѣ и доставляется въ монастырь на его галіотахъ. Сѣна накашивается довольно. Лѣсомъ островъ изобилуетъ; преимущественно растетъ здѣсь сосна, потомъ ель; гораздо въ меньшемъ количествѣ береза, кленъ, липа. Благодарность имъ! Они смягчаютъ нѣжнымъ цвѣтомъ своихъ листьевъ угрюмость скалъ и темной, вѣчной зелени елей и сосенъ. Въ долинахъ, гдѣ слой земли толще, лѣсъ крупнѣе; но на горахъ, гдѣ слой этотъ тонокъ, лѣсъ мельче; онъ не можетъ достичь должной высоты; корни его тщетно ищутъ углубиться въ землю; ихъ встрѣчаетъ жесткая «луда» и они стелются, переплетаются по ней для собранія необходимой себѣ пищи и не находятъ ея. Зато на горахъ почти исключительно растетъ одна, наименѣе прихотливая и разборчивая на почву, сосна. Что̀ сказать еще? Смотрю на воды, на необъятныя массы водъ Ладоги, древняго Нева, издревле славнаго бурями своими и боями Варяга съ Славяниномъ; и онѣ, эти глубокія, пространныя воды, согласны съ уединеннымъ, полнымъ вдохновенія строгаго островомъ, чтобъ на островѣ, въ оградѣ водъ, спасалось, сберегалось иноческое общество. Они ограждаютъ его и пространствомъ своимъ, и бурями, и льдами. Они въ необъятныхъ нѣдрахъ своихъ содержатъ и питаютъ безчисленныя стада различныхъ рыбъ, предавая ихъ въ обманчивыя сѣти, готовятъ на трапезу пустынниковъ блюдо, въ которомъ всю цѣну составляютъ не приправа, не искусство, а обиліе и свѣжесть припасовъ.

Когда легкій монастырскій катеръ при попутномъ, пріятномъ вѣтрѣ уносилъ меня изъ Валаама, я былъ боленъ. Къ ощущенію болѣзни пришли многія другія ощущенія. Взоръ мой съ безотчетливою грустью, въ которой было какое-то наслажденіе, обратился къ Валааму, приковался къ нему. Подозрѣваю, не былъ ли то взоръ прощанія навсегда! Безмолвно смотрѣлъ я на Валаамъ съ катера, пока онъ шелъ заливомъ. Я поднималъ голову то къ той скалѣ, то къ другой: иначе нельзя смотрѣть на нихъ; такъ онѣ высоки. Могучая природа, всегда наводившая на меня ужасъ, всегда глядѣвшая на меня лишь строго и сурово, казалось, дружелюбно улыбнулась. Или улыбку эту дало ей соли-

це, пустившее тогда живоносные лучи свои вдоль залива, на воды, на камни, на лѣсъ густой. Кайма гранитнаго утеса, на которомъ стоитъ монастырь, обнесенная рѣшеткою, была унизана братіею. Тутъ были и мужи зрѣлые, окрѣпшіе въ бояхъ съ собою, и юноши, лишь вступившіе въ обитель, которыхъ ждетъ еще борьба, и старцы дряхлые, покрытые сѣдинами, которыхъ сердце и мысль уже спокойны, которымъ сплетёнъ побѣдный вѣнецъ и вырыта могила. Имъ мало было того, что они радушно приняли, успокоивали странника; имъ нужны были еще проводы, смѣшанные съ скорбью любви, растворенные слезою сожалѣнія о разлукѣ. Раздавался величественный звонъ колоколовъ монастырскихъ, и вторили ему съ разныхъ сторонъ ущелія каменныхъ горъ многоголоснымъ эхомъ. Вышелъ катеръ изъ залива, какъ изъ высокостѣннаго замка, остались утесы на своихъ мѣстахъ, явилось взору обширное озеро; вдали чуть видѣнъ берегъ сердобольскій; по другимъ направленіямъ берега нѣтъ, — синева водъ сливается съ синевою неба. Подняты паруса; быстро понесся катеръ по отлогимъ волнамъ. Скоро мы достигли противоположнаго берега; оттуда я оглянулся на Валаамъ: онъ представился мнѣ, на своихъ обширныхъ, синихъ, безконечныхъ водахъ, какъ-бы планета на лазуревомъ небѣ.

И точно, такъ онъ далекъ отъ всего! Онъ какъ-будто не на землѣ! Жители его мыслями и желаніями высоко поднялись отъ земли! Валаамъ — отдаленный міръ! Многіе его иноки забыли, что существуетъ какая-нибудь другая страна! Вы встрѣтите тамъ старцевъ, которые съ своего Валаама не бывали никуда по пятидесяти лѣтъ и забыли все, кромѣ Валаама и неба.

Воинство духовное! блаженные жители острова священнаго! Да снидетъ на васъ благословеніе неба за то, что вы возлюбили небо! Да почіетъ на васъ благословеніе странника за то, что вы возлюбили страннопріимство! Да услышатся молитвы ваши Богомъ, да пріятны будутъ Ему хвалебныя пѣснопѣнія ваши; потому что молитвы и пѣснопѣнія ваши полны благоговѣнія священнаго! Да будутъ благословенны житницы ваши и имущество ваше; потому что нищій всегда находитъ у васъ и сытый укрухъ хлѣба, и лоскутъ одежды для прикрытія наготы своей! Братія! благую часть вы избрали! Не озирайтесь вспять, не привлекайтесь снова къ міру какою-нибудь суетною, временною пріятностью міра! Въ немъ все—такъ шатко, такъ непостоянно, такъ минутно, такъ тлѣнно! Вамъ даровалъ Промыслъ Божій отдѣльное, удаленное отъ всѣхъ соблазновъ селеніе, величествен-

ный, вдохновенный Валаамъ. Держитесь этого пристанища, невозмущеннаго волнами житейскаго моря; претерпѣвайте въ немъ не давайте святой ревности остывать въ душахъ вашихъ, обновляйте, поддерживайте ее чтеніемъ святыхъ Отеческихъ книгъ, бѣгите въ эти книги умомъ и сердцемъ, уединяйтесь въ нихъ мыслями и чувствованіями,—и Валаамъ, на которомъ вы видите гранитные уступы и высокія горы, сдѣлается для васъ ступенями къ небу, духовною высотою, съ которой удобенъ переходъ въ обители рая.

А странникъ, писавшій эти строки, въ нихъ излившій свои чувствованія къ вамъ и вашему жилищу, странникъ, не разъ посѣщавшій обитель вашу съ сердечною заботою объ ней, о благополучіи ея и вашемъ, испрашиваетъ себѣ жизни въ молитвенномъ воспоминаніи вашемъ до гроба — и за предѣломъ гроба —

И. И. И.

=